

Фото: © <https://www.pravenc.ru/> / Wikimedia

Сергей Сергеевич – автор нескольких книг, замечательных религиозных стихов и около 800 научных публикаций, лауреат целого ряда престижных премий, обладатель различных научных званий. Один из самых авторитетных ученых современности с универсальной эрудицией, каждая новая работа которого всегда оказывалась событием – не только в научных кругах, но и для простых людей. В тяжелые для нашей страны времена он поддерживал русскую духовность. В интеллектуальной России его имя знали все. Оно стоит в одном ряду с именами академиков **Сахарова** и **Лихачева**.

Он появился на свет в тяжелом 1937-м, 10 декабря, в Москве в семье профессора биологии Сергея Васильевича Аверинцева. Он был поздним ребенком – Сергею Васильевичу на тот момент было уже 62 года. Незаурядный ученый с детства начал приобщать своего сына к миру прекрасного и читал ему Горация в подлиннике. «Я не понимал ни слова, но радовался очень. Эта радость была

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

Рыцарь русской культуры

Вода, отстаиваясь, отдает осадок дну, и глубина яснее.
«Благовещение», С. С. Аверинцев

Глубина знаний и возвышенность проповедей и лекций удивительного русского филолога, философа, известного переводчика, искусствоведа, богослова и академика РАН Сергея Сергеевича Аверинцева поражала всех без исключения. Это был уникальный человек, который, по выражению профессора А. М. Копировского, чувствовал себя «в мировой культуре как дома, а дома – как в мировой культуре». И даже если его лекции были понятны немногим, «ощущение причастности к большой науке и большой культуре было у всех». Так писал об Аверинцеве другой его коллега, М. Л. Гаспаров.

мне подарена по-домашнему, как делают подарки детям в семье. Отец родился еще в 1875 году – ну, в один год с Рильке, с Альбертом Швейцером, на пять лет раньше Блока, так что по годам я мог бы быть его внуком, но вот я – его сын; это совсем другое дело, совсем иная близость, совсем иной тембр отношений. Отец – никогда не старик, как дедушка. Отец – это отец. Я думаю, что детское общение с отцом как-то сразу привило мне не совсем обычное отношение к историческому времени. Прошлое столетие было не отрезанным ломтем – „это было давно и неправда“, как говорили в мое время школьники, – а порой папиной молодости. Старая Россия, Россия XIX века, воспри-

нималась как отцовский мир, то есть „отечество“ в этимологическом значении слова. Вы понимаете, когда мой отец родился, Тютчев всего два года как умер, а Достоевский и Тургенев были еще живы», – вспоминал позднее Сергей Сергеевич.

В 1961 году он окончил классическое отделение филологического факультета МГУ. Свой выбор Сергей Сергеевич объяснял так: «Во времена моего отрочества и ранней юности, то есть в самом начале 50-х годов, мои сверстники поголовно соглашались уважать только технику и науки, ей служащие. Увлечение техникой доходило до эйфории. Это теперь все изменилось, люди с техническим или естественно-научным образова-

нием норовят перебежать в гуманитарную или хотя бы собирают гуманитарные книжки, гуманитария стала „престижной“, а тогда было совсем не так. Заниматься античностью – это подростки тех лет воспринимали чуть ли не как юродство. Ну а когда все скучились на одной стороне лодки, так что лодке грозит перевернуться, тот, кто это видит, обязан броситься к противоположному борту».

В МГУ, еще будучи студентом, он встретил свою будущую жену Наталью. Она была младше Аверинцева на несколько лет, изучала античность, к тому моменту даже вышло несколько ее исследовательских статей. Однако став супругой Сергея Сергеевича, она оставила работу и посвятила всю себя заботам о семье и муже, тем самым позволив ему уйти с головой в науку.

В 1967 году Аверинцев защитил кандидатскую диссертацию по филологии. Работа была на тему «**Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра**». Его выбор был не случаен – от Плутарха до нас дошло много текстов, к тому же ученый шутил, что человек он (Плутарх) «мягкий и сговорчивый, нрава легкого, так что подступиться к нему было не страшно...». Однако на самом деле главным героем исследований Аверинцева был не Плутарх, а Христос. Автор ссылался на древние источники, из которых следовало, что Христос реально существовал и Бог действительно есть. Фактически молодой ученый открыто занимался богословием. И это

Фото: © <https://www.facebook.com/averintsev>

во времена атеизма! Самое интересное, что спустя год за эту монографию Аверинцеву была присуждена премия Ленинского комсомола. Эта новость стала сенсацией, а звание лауреата защитило ученого и позволило ему продолжить свою работу.

На его лекции в МГУ или в Большом зале Политехнического музея, где в те годы выступали **Окуджава, Вознесенский и Евтушенко**, собирались сотни москвичей. Залы были забиты до отказа. С виду он был типичным ученым – большие очки, немного рассеянный взгляд и, как настоящий интеллигент, Аверинцев был слегка неуверен в себе, он сам признавался: «У меня нет человеческой уверенности в себе». Все его речи пестрели малознакомыми словами и цитатами. Размышления над какой-нибудь всплывшей в его памяти фразой часто уносили Сергея Сергеевича в заоблачные дали, и студенты порой думали, что лектор отошел от темы, однако затем каждый раз становилось очевидно, что такой анализ был просто необходим. Тихим сбивчивым голосом Аверинцев публично говорил о Боге. Нет, он не занимался прямой пропагандой христианства, но в слушателях эти речи зарождали свободные мысли, натал-

кивавшие на переоценку всех ценностей. Аверинцев не любил делать выводы – он считал, что его слушатель или читатель свободен сделать их сам.

В 1979 году он защитил докторскую диссертацию по теме «**Поэтика ранневизантийской литературы**». Эта защита стала сенсацией, в аудитории не было ни одного свободного места. Для ищущей веры интеллигенции эта монография имела миссионерское значение. **Д. С. Лихачев** тогда потребовал, чтобы Сергея Сергеевича за этот труд «причислили к сонму докторов немедленно». В те годы он нередко писал в стол, даже не предполагая, когда некоторые из его статей увидят свет.

В 1985 году Аверинцева приняли в Союз писателей СССР. В начале 1990-х он стал президентом Ассоциации культурологов и Библийского общества, в январе 1991 года – председателем международного Мандельштамовского общества.

В 1989 году Сергей Сергеевич оказался в центре политической жизни. Став депутатом первого Съезда народных депутатов и членом межрегиональной депутатской группы, он разработывал закон о свободе совести. Об этом шаге он сказал в одном из интервью следующее: «Я считал это своей обязанностью именно в тот момент – момент исключительный, когда принимались очень важные решения. Впрочем, самый первый мой ответ на приглашение выдвинуть кандидатуру был и тогда отрицательным. Я никогда не считал это своим призванием. И в той

ситуации я не мог отказаться от долга солидарности, только поэтому согласился». Наряду с Д. С. Лихачевым в это смутное время он занимался духовным оздоровлением России и среди прочего составил и редактировал энциклопедический словарь «Христианство». Вспоминая те годы, Г. Явлинский по случаю празднования 65-летия Аверинцева сказал: «Быть Вашим соотечественником и современником – большая честь».

В декабре 1991 года Аверинцев вернулся в МГУ, где его назначили заведующим отделением Института истории мировой культуры, и преподавал на философском факультете. После перестройки многое изменилось, тогда Сергей Сергеевич говорил: «Теперь я могу договаривать все до конца, не могу позволить себе ни намеков, ни просветительской пространности. Но необходимость договаривать все до конца подразумевает и необходимость додумывать все до конца». В тот период одна за другой увидели свет многочисленные статьи и книги ученого – «Риторика и истоки европейской литературной традиции» (1996), «Поэты» (1996), «София-Логос» (1999; 2001), «От слова к смыслу» (2001), «Скворещник вольный гражданин. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами» (2001) и многие другие.

Сам он на досуге предпочитал читать стихи и фантастическую прозу Толкиена («Повелитель колец», «Сильмариллион» и т. д.): «Персонажи там сказочные – эльфы, гномы, хоббиты, тролли, гоблины и т. п.; но это не сказки, а, скорее, героический эпос или рыцарские романы. Этого нель-

▲ Отец Георгий Кочетков (слева) с Сергеем Аверинцевым.

Фото: © Д. Гасак / Е. Черных / Wikimedia

зя просто читать, находясь вне толкиеновского мира и глядя на него со стороны, надо входить в него – чтобы его стихия сомкнулась над головой».

Аверинцев, специалист по позднеантичной и раннехристианской эпохам, философии и поэзии Серебряного века, исследовал различные пласты европейской, в том числе христианской культуры – от античности до современности. Его статьи поражали не только широтой и энциклопедизмом знаний, но и своим тоном и непривычным для таких научных тем свободным, художественным стилем. Но самое главное – он был не только великим ученым, но и глубоко верующим человеком. И не стеснялся своей веры даже во времена атеизма – он оказался одним из немногих, кто был по-настоящему свободен и во времена железного занавеса. В числе первых среди московских ученых он стал посещать воскресные службы в столичных храмах – тихо, без шумихи, для себя.

В 1990 году Аверинцев познакомился со священником Георгием Кочетковым, служившем в храме в подмосковных Электроуглях. Затем отца Георгия перевели в Москву – сначала в собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери на Большой Лубянке, а позже – в храм Успения в Печатниках на Сретенке, и их общение и дружба углубились. Тогда Аверинцев стал служить как чтец, помогать в алтаре, проповедовать с церковного амвона. Прихожане вспоминали, что вначале чтец Сергей выносил свечу неуверенно и даже несколько неуклюже. Одна из пожилых прихожанок храма сделала ему в связи с этим замечание. Аверинцев тренировался в выносе свечи дома и на следующей службе спросил у нее: «А сегодня у Вас есть ко мне претензии?» «Никаких», – последовал ответ. «Вот что значит вовремя выругать человека», – с удовлетворением констатировал Сергей Сергеевич.

Отец Георгий создал Свято-Филаретовский православно-христианский институт (СФИ), и Аверинцев стал членом его попечительского совета. Он читал здесь лекции, проповедовал в часовне.

Также Сергей Сергеевич, переводчик Евангелия, книги Иова, псалмов и автор «Стихов духовных», дружил с Александром Менем, которого называл «миссионером для племени интеллигентов».

Внутреннюю свободу и твердость убеждений ученого подтверждает и следующий факт. Сергей Георгиевич Бочаров вспоминал, как на заседании «перестроечного» Верховного Совета академик Сахаров назвал войну в Афганистане преступлени-

ем и против него поднялся весь зал. Остались сидеть только два человека. Одним из них был тяжелоатлет Юрий Власов. Другим – Аверинцев.

Работы блистательного ученого нашли признание во всем мире: он был членом *Европейской академии*, *Всемирной академии культуры*, *Папской академии общественных наук*, *Национальной академии Украины*, почетным доктором *Scientiarum Ecclesiasticarum Папского Восточного института в Риме*, *Киево-Могилянской академии в Киеве*, *Софийского университета и Европейского университета в Минске*, членом *Международного общества о. Павла Флоренского*. Также ему присудили престижную в культурном мире премию Аньелли «*За диалог между культурными Вселенными*».

Международное признание привело Аверинцева в **Институт славистики Венского университета**, где он преподавал с 1994 года. В одном из интервью он говорил: «*Я написал стихи о Вене. Там жил Марк Аврелий, хотя вены охотнее вспоминают другого римского императора, который основал там виноделие. Вена любит все размяченно-меланхолическое, например вальсы. Это размяченно-меланхолическая столица. Я вам расскажу венские легенды.*

Вену посещали странствующие монахи, и один из них в XVII веке писал, как он пришел однажды к богатому человеку за деньгами, а тот не любил давать деньги, но любил держать пари. И монах поставил условие: на его проповеди половина прихожан будет рыдать, а другая половина – смеяться... Так и было. Просто монах встал таким образом, чтобы половина прихожан его

Фото: © <https://www.facebook.com/averintsev>

слышала и рыдала, а половина видела при этом лишь его нелепые жесты и хохотала».

Однако истинная подоплека переезда в Вену была иной. Ученому был дарован великий ум, но слабое здоровье. В детстве Аверинцев переболел полиомиелитом, ему было трудно ходить. С годами же число недугов множилось. А в Вене он мог лечиться. Потом его состояние ухудшилось, пришлось перенести операцию на сердце. И в эти тяжелые минуты Сергея Сергеевича не покидало чувство юмора:

*«Ущербом клапана томим,
я в Боннской клинике томился...
И герр хирург в один момент
мне сердце трепетное вынул...*

*Сердце мое во время операции
остановили и „завели“ вновь элек-
трическим разрядом... Мой преж-
ний клапан буквально выбросили
на помойку и поставили новый. От
свиньи. Я подумал: собачье сердце –
уже было, теперь вот свиное... Ну и
ну, подумал я, как человек, занима-
ющийся древностями и антично-
стью и чувствительный ко всему
нечистоплотному... И я написал
стихи: „Но, буде свинствовать
начну, меня сурово обличите...“»*

В течение нескольких лет после операции он чувствовал себя нормально. 3 мая 2003 года Аверинцев отправился в Вечный город на конференцию «*Италия и Петербург*», где у него неожиданно случился обширный инфаркт. В конце мая того же года его избрали действительным членом *Российской академии наук*. Месяцами он лежал в больницах Италии и Австрии, постоянно балансируя на грани смерти. Потом наступило небольшое улучшение, и Сергея Сергеевича выписали домой, где за ним ухаживала жена. Однако 21 февраля 2004 года болезнь взяла верх, и великого ученого не стало. Спустя три дня в венском православном соборе *Св. Николая* прошла панихида по Сергею Сергеевичу Аверинцеву, тогда телеграмму с соболезнованиями прислал сам **Патриарх Алексий II**. Урна с прахом ученого, согласно его завещанию, была захоронена на *Даниловском кладбище* в Москве.

Он любил филологию, но еще больше – людей и мир. Умел утешать и поддерживать. Еще при жизни его стали называть великим мыслителем и филологом. Он никогда не изменял себе и выбранному пути. «*Кто такой настоящий ученый?*» – спрашивал Аверинцев. И сам же отвечал: «*Тот, кто работает для всех, кто ставит мосты над реками невежества*».

До своего 70-летия он не дожил три года. Его ученики и современники очень скучают по нему, а потому регулярно проводят вечера памяти Сергея Сергеевича в Москве и Твери. Свободные места в зале искать бесполезно.

Материал подготовила
Юлия Креч, г. Вена
«НВЖ», 2004 г.